

К созданию языка для передачи буддийского письменного наследия по-русски

В. П. Андросов

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9653-7678>; e-mail: vandrosov@yandex.ru

Резюме: перед российскими учеными-буддологами стоит грандиозная задача – перевести на русский язык основные произведения буддийского наследия, сохранившегося на индийских языках (пали, санскрит, пракриты, гибридный санскрит), на китайском, тибетском, японском, корейском, монгольском и других языках Восточной и Южной Азии. С этой задачей еще не справились ученые ни одной страны. В России буддизм является исторической религией нескольких российских народов и занимает умы миллионов русскоязычного населения. К сожалению, этот путь труден и долог, и хотя ученые следуют по нему уже 200 лет, но и сегодня еще переживают лишь стадию подготовки. Тем не менее заявленная задача была поставлена на Конференции переводчиков буддийских текстов, которая проходила в Институте востоковедения РАН (Москва) в период празднования 200-летия Института (6–9 ноября 2018 г.).

Ключевые слова: Будда; буддизм в России; Кангьюр; канон; пали; перевод на русский язык; санскрит; Тенгьюр

Для цитирования: Андросов В. П. К созданию языка для передачи буддийского письменного наследия по-русски. *Ориенталистика*. 2019;2(4):807–816. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-807-816.

Russian language as a means of interpreting Buddhist cultural heritage: creating target-orientated vocabulary

V. P. Androsov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9653-7678>; e-mail: vandrosov@yandex.ru

Abstract: Russian Buddhist scholars face the daunting task of translating into Russian the main works of Buddhist heritage currently preserved in the languages of India (Pali, Sanskrit, Prakrit, the hybrid Sanskrit), in Chinese, Tibetan, Japanese, Korean, Mongolian and other languages of East and South Asia. Scholars of no country have so far coped with this task. With regard to the Russian Federation, Buddhism is the

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

historical religion of several peoples who live there and occupies the minds of literally millions of Russian speakers. Regardless of the fact, that translation of the Buddhist heritage into Russian has been conducted for the last 200 years, one can say that the scholars who deal with this task are still only going through a stage of preparation. Nevertheless, the task of translating into Russian main works of Buddhist heritage was set at the Conference of Buddhist Text Translators, which was held at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow) in November 2018 during the celebration of the 200th anniversary of the Institute (November 6–9, 2018)

Keywords: Buddha; Buddhist studies of Russia; Canon Buddhist; Kangyur; Pali; Sanskrit; Tengyur; translations into Russian

For citation: Androsov V. P. Russian language as a means of interpreting Buddhist cultural heritage: creating target-orientated vocabulary. *Orientalistica*. 2019;2(4):807–816. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-807-816.

Проповеди, беседы, высказывания Щакьямуни¹ (на пали Сакьямуни) произносились, собственно говоря, на диалектах народов долины Ганга, знатоком которых являлся Будда (Просветленный)². Более того, Учитель отказывался говорить на языке ученых и жрецов брахманизма – ведийском санскрите: «Учите слова Будды на своем собственном диалекте», – сказано в «Малом разделе» Виная-питаки (Чулла-вагга, 5, 33) (цит. по: [2, с. 37]). Так первые 300–400 лет после *паринирваны* Слово Просветленного хранилось в памяти учеников и последователей на всевозможных наречиях и лишь в I в. до н.э. представители самой массовой школы буддизма – школы старейшин (*тхера-вада*) – собрали многочисленные сказы, создали для хранения специальный монашеский язык – пали (один из индийских пракритов), изложили все собрание на нем и записали на пальмовых листьях, соединяя отдельные произведения суровой ниткой (*сутта* или *сутра* на санскрите). Тем самым был получен первый письменный буддийский канон – *Трипитака* (санскр. *Трипитака*).

В этом же веке (I в. до н.э.) стало записываться Слово Просветленного на так называемом гибридном санскрите, т.е. санскрите с множеством заимствований форм и слов из среднеиндийских языков (пракритов). Эта форма передачи наследия практиковалась в других многочисленных школах буддизма, отколовшихся сначала от *тхера-вады*, а затем и от иных учительских традиций, коих было более 18. К наиболее ранним текстам такого рода относят чаще всего «Сутры совершенствования Мудрости» (*Праджня-парамита-сутра*), из которых древнейшей считается «Восьмитысячная сутра совершенствования Мудрости» (*Ашта-сахасрика-праджня-парамита*). Имеется в виду, что на пальмовых листьях

¹ Начиная с 2018 г. в произношении и написании санскритских имен и терминов предпочитаю различать звуки / буквы «ш» (ṣ) и «щ» (ś).

² См.: [1]. О способности Щакьямуни к языкам свидетельствуют фактически все его жизнеописания.

ее список насчитывал 8000 строк. С этого Слова Просветленного начинают свою историю памятники другого ответвления буддизма – Великой колесницы (Махаяны). Они тоже составлялись на языках близких к народной проповеди, но в буддийских монастырях уже было введено преподавание санскрита, и монахи переписывали эти тексты уже на санскрит в соответствии с воззрениями определенной учительской традиции, школы.

В Индии некоего кодифицированного канона Махаяны составлено не было³, текстопорождение продолжалось вплоть до XIII в. – времени исхода буддийского монашества из Индостана. Однако в V–VI вв. в Индии появляются учителя, распространяющие иное Слово Будды, свои тексты они называли иногда сутры, а чаще – *тантры*. Они тоже первично создавались на народных языках, а затем некоторые из них соединялись и перерабатывались на санскрите в буддийских монастырях-университетах в огромные текстовые комплексы из коренного текста, комментариев, ритуальных служебников и прочего арсенала религии, позднее совокупно превращавшиеся в тантрические системы знаний и психотехник.

Махаянские тексты и некоторые другие со II по X в. активно переводились на китайский язык, а с него на корейский и японские языки, на которых формировались национальные канонические собрания. И происходило это, как правило, под патронажем и при финансировании царских (императорских) дворов, в том числе в Тибете. С VIII в. сутры и тантры переводятся на тибетский язык, на котором существует самое объемное Слово Просветленного – Кангьюр (примерно 108 томов энциклопедического формата) и комментарии к нему индийцев – Тенгьюр (примерно 225 таких же томов). Эти книги стали коренными для переводов на монгольский язык, на котором в XVIII в. был создан и отпечатан свой канон.

Все это длинное отступление от предмета сделано для того, чтобы показать необходимость перевода сохранившегося буддийского наследия на русский язык, как до этого оно переводилось на китайский, тибетский, монгольский и другие языки, а ныне на английский, немецкий, испанский, итальянский и т.д. Конечно, знание языков буддийских канонов – это замечательно, но использование этих языков возможно только в среде монахов. Да, немногочисленные буддийские монахи Бурятии и Калмыкии нередко знают тибетский и монгольский языки, в том числе языки древних текстов. Отдельные монахи могут изложить содержание и, возможно, передать и объяснить практику, сообщить ритуальные действия на бурятском и калмыцком языках. Но как только случается необходимость общаться по-русски и тем более написать по-русски, то грамот-

³ Он появился в странах распространения, например в Непале – санскритское собрание «Девяти Дхарм» (см.: [3, с. 182–209]).

но и понятно для всех русскоговорящих не получается совсем. Сегодня в нашей стране численность русскоговорящих, интересующихся буддизмом, уже во много раз превышает численность бурят, калмыков и тувинцев вместе взятых. Об этом можно судить по зарегистрированным буддийским организациям и обществам России, число коих приближается к двумстам от Владивостока и Сахалина до Сочи, Калининграда и Санкт-Петербурга.

Буддизм очень привлекательная для современности религия с замечательным психологическим учением, способствующим самопознанию, нравственному и умственному возрождению из быта потребительского общества. Ныне она востребована не столько как вера (хотя жива и действенна в качестве именно религии), сколько как призыв к совершенствованию сознания, освобождению от иллюзий, от политики манипуляции умами. Однако буддизм в своем текстологическом выражении остается практически белым пятном на совести российских ученых. Оправданием им может служить только то, что безумная система большевизма запретила изучать буддизм, ученые и монахи отправлялись в лагеря ГУЛАГА. Даже наступившая в 1960-е гг. «оттепель» не изменила положения в целом: занимались предметом одиночки, тайком, без школы (кроме тех немногих, кому повезло учиться у Ю. Н. Рериха). И вот уже в XXI в. по-прежнему нет ни школы, ни университета, ни факультета буддийских наук, ни патронажа и финансирования со стороны правительства.

Конечно, нынешняя свобода творчества исследователей в области буддологии для нашей страны явление исключительное, но без сознательной систематизации и кодификации знаний и переводов мы никогда не получим единого для России языка буддийской культуры, единого канона, который ученые могли бы интерпретировать. Иными словами, если мы не придем к согласию относительно перевода, то останемся у разбитого корыта. Каждый будет городить свой буддизм. Уже сейчас нередко можно услышать и прочесть, что в буддизме были и душа, и вечные небеса, и все учителя творили чудеса, и Дхарму называют Богом-творцом, а нирвану – раем, и т.д. и т.п. Учение, таким образом, искажается до неузнаваемости, и происходит это не только в России, но и за рубежом.

Если в древности ученые монахи преимущественно занимались текстологической работой, содержанием, интерпретацией, толкованием, писали огромные комментарии, практиковали психотехники и т.д., то теперь эта работа целиком отдана ученым Востока и Запада. Думаю, и в России иного пути нет. Но у нас уже 200 лет длится подготовительный процесс накопления знаний, каждый ученый на свой лад переводит терминологию, не соглашаясь даже с теми требованиями перевода, которые были созданы основоположниками отечественной буддологии.

Серьезные противоречия возникают даже по поводу правил транслитерации (написания по-русски) санскритских и тибетских терминов и имен, не говоря уже о том, как вольно передаются китайские, японские, корейские, монгольские имена.

В мировой науке существуют общепринятые правила транскрипции, но произнося эти термины по-русски, мы совершенно забываем или не знаем их правильное чтение. Так, санскритское «щ» превращается в навязываемое западноевропейское «ш», сложные санскритские термины мы отказываемся разделять дефисом и получаем порою отдельную запись длиною в строку. Потому что в санскрите действуют правила «сандхи», или смычки отдельных звуков, а мы не понимаем, что русский читатель, не видя слов, не станет читать непонятную ему абракадабру. Разве в задачи переводчика входит право наставлять, мол, учите санскрит, тибетский и т.д.? Не надо показывать каждому, что только вы владеете санскритом, ваша задача – помочь понять написанное и осмысленно перевести. Не надо вашего «я» со всеми, свойственными только ему, атрибутами (его и их нет в буддизме), надо доносить знание, значение, смысл.

Русский и санскрит – родственные языки, но разве это дает право вставлять в перевод санскритские термины? Многие переводчики уверяют, что нельзя по-русски передать всю гамму значений ряда слов, например «дхарма», «бодхи», «Буддха», «нирвана», и особенно из психологической лексики: «самадхи», «випащьяна», «щаматха», «дхьяна» и т.д. В общении с одним из участников переводческой конференции буддийских текстов (ноябрь 2018 г., к 200-летию ИВ РАН) спросил, как переводить «бодхи»? К чести коллеги, он дал вменяемый ответ: «Сам я для себя окончательно не решил, как переводить “бодхи”. Если “коллегия” русскоязычных переводчиков после нескольких переводческих конференций решит переводить это слово каким-то одним способом, с радостью приму это. Думаю, перевод здесь все равно будет достаточно условен. Пока, как говорил, все же более склоняюсь к гносеологическому аспекту – “постижение, высшее постижение”. Если кратко, то рассуждение следующее: Бодхи как пробуждение – согласен тут с Вами – неудачный термин. Что касается “просветления”, то бодхи превосходит какую-либо модальность, в частности визуальную, не ограничивается так называемой световой эпифанией, поэтому о свете можно говорить лишь метафорически. (В текстах по йоге, тантре, безусловно, говорится о световых явлениях, сопровождающих этапы практики, но бодхи к ним, согласитесь, не сводится.) Если подходить к вопросу филологически, то в плане семантики бодхи связано с рядом санскритских слов и выражений, в которых подчеркивается именно аспект гнозиса. Вот подобрал примеры: *anubodha* – “воспоминание”, *abodha* – “неведение, тупость”, *atmabodha* – “познание атмана”, *durbodha* – “труднопостигаемый”, *buddhi* – “интел-

лект, разум”, *bālāvabodhana* – “наставление для простецов” и пр. Соответственно, хотелось бы, чтоб перевод бодхи как-то сочетался с этими смысловыми рядами» (Иванов Владимир Павлович).

Добавил бы к этому перечислению и термины *bodha* – «пробуждающий, знающий, наблюдающий, пробуждение, знание, сознание», *bodhaka* – «указывающий, объясняющий, обучающий», *bodhamaya* – «состоящий из истинного познания» и *bodhitar* – «тот, кто пробуждает мысль, учитель, наставник», что лишней раз доказывает, что Бодхи – это никак не пробуждение, а скорее некое четвертое состояние сознания (*турия*) упанишад, получившее в буддизме свое имя и светлый путь к нему. В общем-то семантические ряды вести надо не от «бодхи», а от корня *budh*, и, боюсь, через семантику вы ничем не поможете себе и читателям понять и назвать по-русски, что произошло с сознанием Щакьямуни в состоянии Бодхи и как он достиг вдруг всезнания и уверенности в том, что это его рождение – последнее. Если вспомните о *дхьянах*, то забудете и о гносеологии, поскольку каждая стадия *дхьяны* есть последовательный отказ от уровней познания, и вот когда в его сознании не осталось ни субъекта, ни объекта, ни чего бы то ни было, тогда и наступило Просветление.

Согласитесь, что в каждом контексте у слова должно быть одно значение, и если вы не в состоянии его перевести, значит, вы не понимаете его конкретного значения. Русский язык не уступает санскриту в сложности и многозначности, ему тоже 1000 лет, как и классическому санскриту в пору его использования буддистами. Да, в санскритских словарях в переводе на английский, немецкий, русский языки отдельные термины имеют десятки значений, и вы каждый раз должны выбрать значение наиболее соответствующее контексту. Для уточнения всегда можно в круглых скобках указать санскритский термин.

Другая беда для русских переводчиков буддийских текстов пришла с Запада, из переводов на английский. У нас началось массовое калькирование английских слов. Да, английский язык ныне довлеет в мировой буддологии. На английский переведено в разы больше текстов, чем на русский. Наши ученые тоже стремятся публиковаться по-английски. Даже Миннаука требует повышать индекс цитируемости в международных базах данных, тоже англоязычных. Поверьте, к идее создания буддийского канона по-русски это не имеет никакого отношения. Англоязычные переводы далеки от единообразия, несмотря на то что уже существуют фонды, поддерживающие школы перевода. Но среди лидеров этих школ нет согласия по многим вопросам, например, относительно применимости терминов христианской культуры к переводу буддийских текстов.

Так, известнейший переводчик буддийских текстов Роберт Турман в своей монументальной книге приводит фрагментарный перевод

произведения Нагарджуны-тантрика (VIII в.) «Панча-крама» («Последовательность, или путь, из пяти шагов»), являющийся комментарием самого раннего текста «Гухья-самаджа-тантры» (Тантры тайной общины), составленного из 12 первых глав, видимо, в конце VII в. [4, p. 250–260]. Эта работа была подвергнута тщательному анализу и критике санскритологом и тибетологом Тору Томабечи и охарактеризована как имеющая «слишком малое филологическое значение», об авторе же было сказано, что он «демонстрирует тенденцию широко применять терминологию из иудеохристианской традиции» [5, p. 533]. «Перевод Турмана *Панча-крамы* не обеспечивает ни тибетской, ни индийской перспективы в отношении этого важного текста» [5, p. 541]. Замечу также, что Р. Турман переводил с тибетского перевода, в то время как существует санскритский текст, причем уже в двух изданиях (см.: [6; 7])⁴. Если имеется санскритский оригинал, то тибетский перевод должен оказывать только вспомогательную помощь, а никак не наоборот.

На вопрос, как переводить, искали ответ издревле. Ответ на него автор данной статьи высказывал неоднократно, со временем дополняя его новыми правилами. Главное в них – продолжение лучших традиций школы отечественной буддологии, наиболее ярко выраженных в творчестве Федора Ипполитовича Щербатского. Я неоднократно составлял словари буддийской терминологии, раз за разом увеличивающиеся в объеме и количестве объясняемых терминов [9; 10, с. 640–762; 11, с. 571–770; 12], которых насчитывается теперь 700. Уже трижды был издан буддийский лексикон «Дхарма-санграха» (Собрание основных положений Закона), в котором параллельно на санскрите, тибетском и русском языках с пространными толкованиями даны сотни терминов, углубляющих познание буддийского Учения [13; 10, с. 451–608; 14, с. 453–610]. Написан и дважды опубликован очерк «Как переводить? Язык исследования и язык перевода» [15, с. 23–39]. Готовится значительно расширенный и исправленный энциклопедический словарь.

Трудность поставленной на упомянутой конференции задачи заключается далеко не только в переводах с санскрита. В тибетологии царят не меньший произвол и разногласия, как с произношением имен и терминов, так и с их написанием. В западной буддологии за основу чаще всего принимается лхасский диалект, а вот для российских буддистов и буддологов гораздо ближе и понятнее амдоский диалект, в котором происходит озвончение согласных, как и в монгольском языке. Например, одни пишут и говорят: «Бутон, Шоннупэ(а)л, Кангьюр, Тенгьюр», другие – «Будон, Шоннубал, Ганджур, Данджур». И как решить эту дилемму??? Словом, работы предстоит, в том числе общественной, непочтатый край. Ведь существуют еще и дальневосточные тексты.

⁴ Было и третье издание: [8].

Не будем унывать. Китайцы переводили буддийское наследие почти 1000 лет, создавали порою по три-четыре перевода одного текста, одной сутры, потому что за определенный период времени прежние неизбежно устаревали – язык постоянно менялся. Тибетцы переводили почти 600 лет, после традиции «старых переводов» (VIII–XI вв.) появилась новая волна, все тексты переводились по-новому. Мы все еще пребываем в потоке «первой волны»: от И. П. Минаева и Ф. И. Щербатского до В. Н. Топорова, В. В. Вертоградовой, А. Я. Сыркина, В. И. Рудого, В. К. Шохина, А. Кугявичуса, П. Н. Крапивиной, В. П. Андросова, А. Г. Фесюна и наших учеников. Призываю всех работать на будущее.

Литература

1. Андросов В. П. Бодхи – это просветление или пробуждение? *Ориенталистика*. 2019;2(1):21–39. DOI: [10.31696/2618-7043-2019-2-1-21-39](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-1-21-39).
2. Топоров В. Н. (пер.), Рерих Ю. Н. (ред.). *Дхаммапада*. М.: Восточная литература; 1960.
3. Андросов В. П. *Очерки изучения буддизма Древней Индии*. М.: ИВ РАН; Наука; Восточная литература; 2019.
4. Thurman R. A. F. *Essential Tibetan Buddhism*. 2nd ed. Edison, New Jersey: Castle; 1997.
5. Tomabechi T. Notes on Robert Thurman's Translation of the Pañcakrama. *Journal of Indian Philosophy*. 2000;28(5–6):531–548. DOI: [10.1023/A:1017593628968](https://doi.org/10.1023/A:1017593628968).
6. Vallée-Poussin L. de la. *Pañcakrama. Études et textes tantriques*. Louvain; 1896.
7. Mimaki Katsumi, Toru Tomabechi. *Pañcakrama: Sanskrit and Tibetan Texts Critically Edited with Verse Index and Facsimile Edition of the Sanskrit Manuscripts*. Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies for UNESCO; 1994.
8. Ram Shankar Tripathi (ed.). *Piṇḍīkrama and Pañcakrama of Ācārya Nāgārjuna*. Sarnath–Varanasi: Central Institute of Higher Tibetan Studies; 2001.
9. Андросов В. П. *Словарь индо-тибетского и российского буддизма (главные имена, основные термины, доктринальные понятия)*. М.: Вестком; 2000.
10. Андросов В. П. *Буддизм Нагарджуны. Религиозно-философские трактаты*. М.: Восточная литература; 2000.
11. Андросов В. П. *Учение Нагарджуны о Срединности*. М.: Восточная литература; 2006.
12. Андросов В. П. *Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь*. М.: Ориенталия; 2011.
13. Андросов В. П. *Собрание основоположений Закона (Дхарма-санграха)*. Издание санскритского и тибетского текстов, перевод, исследование, комментарий. В: Григулевич И. Р. и др. (ред.) *Религии мира: История и современность. Ежегодник*. М.: Наука; 1999. С. 306–443.
14. Андросов В. П. *Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды*. Т. 1: Буддизм Нагарджуны: религиозно-философские трактаты. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература; 2018.

15. Андросов В. П. *Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды*. Т. 2: Учение Нагарджуны о Срединности: исследование и перевод с санскрита «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»), пер. с тиб. «Толкование Коренных строф о Срединности [называемого] Бесстрашным [опровержением догматических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя»). 2-е изд., испр. М.: Восточная литература; 2018.

References

1. Androsov V. P. What is the Russian for “Bodhi” an “enlightenment” or an “awakening”? *Orientalistica*. 2019;2(1):21–39. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2019-2-1-21-39](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-1-21-39).
2. Toporov V. N. (transl.). Roerich Yu. N. (ed.). *Dhammapada*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishers, 1960. (In Russ.)
3. Androsov V. P. *Selected Essays on Buddhism in Ancient India*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Nauka; Vostochnaya literature; 2019. (In Russ.)
4. Thurman R. A. F. *Essential Tibetan Buddhism*. 2nd ed. Edison, New Jersey: Castle; 1997.
5. Tomabechi T. Notes on Robert Thurman’s Translation of the Pañcakrama. *Journal of Indian Philosophy*. 2000;28(5–6):531–548. DOI: [10.1023/A:1017593628968](https://doi.org/10.1023/A:1017593628968).
6. Vallée-Poussin L. de la. *Pañcakrama. Études et textes tantriques*. Louvain; 1896.
7. Mimaki Katsumi, Toru Tomabechi. *Pañcakrama: Sanskrit and Tibetan Texts Critically Edited with Verse Index and Facsimile Edition of the Sanskrit Manuscripts*. Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies for UNESCO; 1994.
8. Ram Shankar Tripathi (ed.). *Piṇḍīkrama and Pañcakrama of Ācārya Nāgārjuna*. Sarnath–Varanasi: Central Institute of Higher Tibetan Studies; 2001.
9. Androsov V. P. *Dictionary of Indo-Tibetan and Russian Buddhism (main names, basic terms, doctrinal concepts)*. Moscow: Vestkom; 2000. (In Russ.)
10. Androsov V. P. *The Buddhism of Nagarjuna. Writings on Religion and Philosophy*. Moscow: Vostochnaya literature; 2000. (In Russ.)
11. Androsov V. P. *The Nagarjuna’s teaching about the middle way*. Moscow: Vostochnaya literature; 2006. (In Russ.)
12. Androsov V. P. *The Indo-tibetan Buddhism. An encyclopaedic Dictionary*. Moscow: Oriantalia; 2011. (In Russ.)
13. Androsov V. P. A *Fundamenta* of the Law (Dharma-sangraha). Edition of Sanskrit and Tibetan texts, translation, research, commentary. In: Grigulevich I. R. et al. (eds) *Religions of the World: Past and Present. An Annual issue*. Moscow: Nauka; 1999, pp. 306–443. (In Russ.)
14. Androsov V. P. *The founder of Mahayana. Nagarjuna and his writings*. Vol. 1: The Buddhism of Nagarjuna. Writings on Religion and Philosophy. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literature; 2018. (In Russ.)
15. Androsov V. P. *The founder of Mahayana. Nagarjuna and his writings*. Vol. 2: The Nagarjuna’s Teaching on the Middle: Study and translation from Sanskrit of the “Root

Андросов В. П. К созданию языка для передачи буддийского письменного наследия по-русски
Ориенталистика. 2019;2(4):807–816

Verses of the Middle” (“Mula-madhyamaka-karika”). Translation from Tibetan of the “Interpretation of the Root Verses of the Middle [called] The Fearless [refutation of dogmatic beliefs and opinions]” (“Mula-madhyamaka-vritti Akutobhaya”). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literature; 2018. (In Russ.)

Информация об авторе

Андросов Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения Российской академии наук, главный редактор журнала «Ориенталистика», Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 ноября 2019 г.
Одобрена рецензентами: 18 ноября 2019 г.
Принята к публикации: 22 ноября 2019 г.

Information about the author

Valery P. Androsov, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Journal of Orientalistica, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Received: November 1, 2019
Reviewed: November 18, 2019
Accepted: November 22, 2019